

ЗАВЕТНОЕ

Река нашей судьбы

Я ЧАСТО ЕЗДИЛ на малую родину – в Оренбуржье. Влекли туда не только родные, но и река, на берегу которой прошли детство и часть юности. Придешь к реке, побродишь по ее заросшим берегам, повспоминаешь.

Нас, друзей-ровесников, было несколько. Один из них – Коля Советников. Вместе росли, играли, купались, рыбачили. Одинаково рано начали работать в колхозе. Но война разрушила нас: одного призвали в ФЗО, другого – в армию. Война закончилась, а мы опять в разных местах.

В 50-х годах я приехал из Магнитки в родное село. Как раз в это время приехал сюда из Душанбе и Николай Советников. По-настоящему радость встречи. Ушли подальше от села и расположились там, где в детстве неплохо ловилась рыба. Стоял жаркий июнь, солнце закатилось за лесом и отрогами гор. Клев был неплохой. По берегу, островками – камыши, в воде блеснет кувшинки, поплескивает рыба, хватая летящую над водой мошкарку...

Ночь предстояла теплая, решили заночевать на берегу: завели костер, стали варить уху. Вскоре уха была готова, поели, закурили. Так и началась у нас ночь воспоминаний. Я воевал с Германией, Николай – с Японией. Оба прослужили в пехоте, оба знали тяжесть этой службы. Я рассказывал о своем боевом пути через Белоруссию, Литву до самого Тильзита. Было тихо, ярко светились звезды...

Нас бросили на Манчжурию, через Монголию и пустыню Гоби, – начал свою историю Николай. – Отступая, японцы оставляли у нас в тылу диверсантов-смертников. Сдаваться в плен они не собирались. Одного из них мы поймали, обезоружили и не позволили сделать характеры. Некоторое время вели его под конвоем. Но он смотрел вверх, в любой момент мог сделать какую-нибудь пакость. Тогда старшина, прошедший войну с немцами, приказал мне «убрать» пленного. Я никогда не убивал человека, отвел его в сторону, направил на него ствол автомата, закрыл глаза и нажал на спусковой крючок. Только издали посмотрел на лежащего. На душе было мутно...

Мы помолчали, вслушиваясь в тишину. В глубине реки, за камышами, гулко всколыхнулась вода: сом охотится – решили мы. А Николай продолжал:

– Однажды глубокой ночью подошли к какому-то селению. Разведчики доложили, что впереди казарма японцев, охраняемая часовым. Спать его послали меня. Подполз, в темноте нащупал кирку, и тут появился он. Недолго думая, ударил его киркой по голове. Тихо окружили казарму, часть японцев перестреляли внутри, а пытавшихся высочить в окна встретили снаружи. За эту операцию меня наградили медалью «За отвагу»...

Много времени прошло с той ночи. Николая уже нет. А река наша Тока впадает в Самару, а та – в Волгу... Река нашего детства, нашей дружбы и памяти. Река нашей судьбы.

МИХАИЛ ПЕТРОВ,
ветеран войны и труда.

И снова в бой

О ЧЕМ ЗВЕНИТ ордена и медали гвардии сержанта Илья Зыкова? Его, уроженца Агановского района, призвали в сороковые.

До войны он успел окончить полковую школу, а с сорок первого по сорок пятый прошел Сталинградский, Северо-Кавказский, Волховский, Ленинградский, Третий Прибалтийский, Первый Белорусский фронты, совершил марш в Тульские лагеря, где формировался отдельный гвардейский тяжелый танковый Островский красноснабленный полк, служил в Германии.

Илья Иванович вспоминает, как при прорыве обороны на Висле танкистам поставили задачу: переправиться на тот берег и уничтожить боевые точки врага. Еще не стихла артиллерийская подготовка, наши снаряды рвали в траншеях немцев, а танковый экипаж младшего лейтенанта Гончарова первым перешел переправу и устремился вперед. За ним пошли в расположение немцев другие машины.

Механик-водитель повел танк в атаку. Немцы, заметив его, стали запоздало метаться. Танк, как вихрь, проносился над траншеями и давил врага гусеницами, расстреливал немецких пулеметчиков. Так были уничтожены десант пулеметов, четыре радиостанции и более сорока фашистов. Немецкие артиллеристы пытались вести огонь по танку прямой наводкой, но танкисты огнем пушки разбили четыре вражеских орудия.

Под тяжестью машины провалился немецкий дзот. Танк, накренившись, не мог ни двигаться дальше, ни вести огонь из пушки. Немцы, заметив это, пытались забросать его гранатами. Танкисты, высочив, огнем автоматов и гранат уничтожили немцев. Подоспел другой танк, зацепил и вытащил застрявший. И снова в бой.

За отвагу, мужество и стойкость в этом сражении экипаж удостоен правительственных наград, танкист Илья Иванович Зыков – третий медали «За боевые заслуги». На парадном пиджаке Илья Ивановича звенят ордена Красной Звезды, две медали «За отвагу», три – «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», медаль Г.К. Жукова, «За победу над Германией».

Илья Иванович вернулся с фронта в погонах гвардии сержанта, работал в органах милиции старшим оперуполномоченным угрозыска, на различных должностях начсостава. В 1967 году ушел на пенсию. Ныне он один из самых почетных ветеранов милиции Магнитки.

МИХАИЛ ПЕРЕГУДОВ,
председатель совета ветеранов УВА
Орджоникидзевского района.

СЕМЕЙНАЯ СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ

В нашем роду три поколения военнослужащих

Борец с басмачами Николай Проценко, десантник Владимир Столяров и офицер милиции Сергей Столяров

Они исправно несли службу по защите своей Родины, своей семьи. Все начали военную карьеру очень молодыми.

Мой отец Николай Андреевич Проценко, уроженец Курской области, боролся с басмачами в Туркестане, затем служил в Могилев-Подольске, где в 1932 году у него родился сын, мой брат Элд. За отличную службу отца направили на учебу в Ленинград, в Военно-инженерную академию имени Фрунзе. В этом городе я и родился в 1937 году.

Когда грянула война, отец срочно вывез семью в Брянск, где жила моя бабушка, а сам ушел на фронт. Последние письма от него мама получила из Керчи: он воевал на Крымском фронте в 47-й армии, 77-й стрелковой дивизии, 276-м стрелковом полку. Отец считается без

вести пропавшим в июле 1942 года.

Не узнал отец, что его сына в мае 1943 года на одиннадцатом году жизни расстреляли в Брянске фашисты, а жену отправили в концлагерь города Лида: предатели выдали немцам семью офицера Советской Армии. Мама Полина Ивановна чудом осталась жива: немцы, отступая, расстреливали пленных, но когда вывели последнюю партию, в которой была мама, к лагерю прорвались наши войска и освободили оставшихся в живых. Вскоре мама, потеряв сына, мужа и дочь, оказалась в Магнитогорске...

О гибели мужа она получила извещение в 1946 году, а меня после долгих поисков нашла в Крыму и привезла в Магнитку. Я помню, что была осень и меня приютили в шалаше на бахче бойцы. Они мне сшили пальто

и шапочку из серой солдатской шинели, а командир отряда подарил жеребенка и сфотографировал на память. Это фото хранится у меня до сих пор.

Я благодарна бойцам за спасение, состав, в котором меня везли, разбомбили. Помню, что вылезла из под горящего перевернувшегося вагона и меня подхватили красноармейцы. Жаль, не помню их имен: мне было тогда всего шесть лет. Низкий поклон вам, защитники Отечества.

Сейчас мне 70 лет, я на пенсии. Разыскиваю место гибели отца вот уже шесть лет, но пока конкретных данных не получила. В поисках мне помогает городская организация «Память сердца», в которой я состою с 2001 года, глава отделения «Дети погибших защитников Отечества» Людмила Аристова и командир поискового отряда «Рифей» Любовь Щербина. Я всем очень благодарна.

Мой муж Владимир Иванович Столяров в свое время с отличием окончил Алма-Атинское воздушно-десантное училище и имел право выбора места службы. Мы выбрали Дальний Восток, Амурскую область, где в 1963 году у нас родился сын Сергей. Жили мы в гарнизоне на границе с Китаем. Муж, лейтенант, занимался обучением солдат, прыжкам с парашютом. Я наблюдала, как солдаты на плацу укладывали парашюты. От того, как парашют уложен, зависела жизнь солдата. Мы, жены офицеров, активно участвовали в жизни полка: создали женсовет, в художественной самодеятельности пели, плясали, занимались спортом. Наш женсовет контролировал питание солдат, следил, чтобы казармы содержались в чистоте. Все праздники отмечали вместе – и солдаты, и офицеры. А когда полк уходил на учение и

десантирование, мы пережидали за всех и с нетерпением ждали возвращения наших мужчин. Мы были молодыми, и никакие жизненные трудности нас не пугали. Я научилась топить печь, носить воду корытцем. Зимой – а морозы в Амурской области достигали сорока, порой и шестидесяти градусов – пока воду принесешь, налещешь на юбку из ведер, она и встанет колом. А воду привозили в бочках, поэтому что колонки перемерзали, и выдавали на семью всего по два ведра.

С соседями-китайцами сначала была дружба. «Русский с китайцем – братья навеки» – была такая песня. Елку на Новый год ставили посреди Амура. И мы, и китайцы водили хороводы вокруг нее, пели и плясали. Китайцы приходили на наш рынок торговать своими красивыми безделушками. Все было хоро-

шо и мирно. Но потом начались стычки на границе, китайцы совершали вооруженные вылазки. Наши долго терпели, делали предупреждения, но обстановку накалялась. Мы жили на чемаданах, а офицеры ночевали в казармах.

В воскресенье, 2 марта 1969 года, началось учение наших войск на Даманском острове. Китайцы-хунвейбины совершили на нас вооруженное нападение. Нашим солдатам было приказано не стрелять, пока не придет распоряжение из Москвы. Мой муж, уже капитан, сдерживал солдат, не разрешал отвечать на выстрелы, а китайцев было в десять раз больше, и лезли они, как саранча. Когда, наконец, пришел приказ ответить противнику и сработали наши гранатометы и тяжелая техника, остров был весь в огне. Мужа ранило, за этот бой его наградили орденом, и он получил внеочередное звание подполковника. Так и служил он до самой пенсии на Дальнем Востоке и ушел в отставку в чине генерала.

Сын Сергей, окончив школу, мечтал стать офицером, как его отец, но в военное училище не прошел по зрению. Служил в армии, во внутренних войсках, в 1985 году на фестивале молодежи студентов в Москве участвовал в охране общественного порядка. За отличную службу сына я получила благодарственное письмо от его командования. Командир части посоветовал мне рекомендовать сыну поступить в Свердловский юридический институт. Сергей обещал подумать, но после службы его пригласили работать во вневедомственную охрану, где он за 21 год дослужился от сержанта до майора, с отличием окончил Воронежскую школу милиции и Челябинский институт МВД России. У него семья и трое детей. Дети учатся в техническом университете.

Пусть участь, лишь бы в мире все было спокойно. Хочу, чтобы внуки жили счастливо, чтобы любили Родину и сохраняли в своем сердце память о героических предках. Хотелось, чтобы и Родина не забывала их...

ГАЛИНА СТОЛЯРОВА,
ветеран ММК.

Война есть одно из величайших кошмаров над человеком и природой.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Компенсации ветеранам

ЛБГОТЫ

ВНИМАНИЮ всех льготников, пользующихся услугами связи!

С 1 марта 2008 года стоимость тарифа на услуги проводного вещания (радио) установлена в размере 18 рублей (приказ ОАО «Уралсвязинформ» от 15.02.2008 г. № 127 «О внесении изменений в тарифы на услуги Челябинского филиала электросвязи»).

В связи с этим размер компенса-

онных выплат за услуги проводного радиовещания (радио) с 1 марта 2008 года составляет:

– для ветеранов труда, ветеранов труда Челябинской области, ветеранов военной службы, не имеющих федеральных категорий и не получающих ежемесячные денежные выплаты, блокадников без инвалидности – 9 руб. (вместо 7,5 рубля);

– для инвалидов Великой Отечественной войны, инвалидов боевых действий и военнослужащих, ставших инвалидами

I и II групп вследствие ранения, контузии, увечья, полученных при исполнении обязанностей военной службы – 18 руб. (вместо 15 рублей).

Перерасчет за радио будет произведен с 1 марта 2008 года.

Порядок оплаты и размер компенсационных выплат за пользование услугами местной телефонной связи (телефон) остается прежним.

Управление социальной защиты населения администрации Магнитогорска.

ПАМЯТЬ

Красная икра на прощанье

МОЙ ОТЕЦ ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ прошел суровую казенную школу.

Родился он в Новочеркасске в 1911 году, рано познал нужду, голод и тяжелый крестьянский труд: косил, пахал землю, молотил хлеб.

Учился прилежно, много читал и был наделен способностью крепко запоминать увиденное, услышанное и прочитанное. Еще в юношеские годы у него проявилась особенная тяга к технике и механизмам. В 1933 году отец поступил в Московский сельскохозяйственный техникум. Затем по спецнабору попал в Московское танковое училище, которое окончил как раз к началу Великой Отечественной войны. В звании младшего лейтенанта прибыл в часть.

Не буду вдаваться в подробности фронтового пути отца. Из его рассказов о войне запомнил, что он участвовал в битве за Москву в составе 50-й армии, освобождал Белоруссию, а в сентябре-октябре 1944 года в составе 1-го Прибалтийского фронта в звании капитана бронетанковых войск командовал батальоном тяжелых танков. В начале 1945 года, во время прорыва фашистской обороны армии «Центр» под латвийским городом-портом Лиепая, отец получил тяжелое ранение: разрывная пуля попала в нижнюю челюсть. Из госпитали его выписали в июле 1945 года, а глубокий шрам на лице так и остался до конца жизни...

За заслуги перед Отечеством отец награжден многими орденами и медалями, из которых самым дорогим для него был орден Боевого Красного Знамени. После войны – учеба в Московской академии бронетанковых войск, которую майор Ищенко блестяще окончил в 1951 году. Затем служил на командных должностях в частях Московского военного округа. В 1980 году в чине полковника вышел в отставку.

В конце 1984 года отец серьезно заболел, сказало все пережитое, и его положили в госпиталь. Я взял отпуск, приехал в Москву и добился разрешения находиться с ним в одной палате. 23 февраля 1985 года – День Советской Армии – запомнился мне навсегда. В этот день лечившимся в госпитале офицерам приготовили праздничный обед. Пациентам на выбор предложили кусочек балыка, семги или бутерброд с красной икрой. Мать посчитала, что это плохо скажется на состоянии здоровья отца, и настояла, чтобы ему не давали деликатеса. А ведь он так любил хотя бы изредка отведать бутерброд с икрой.

На следующий день во время обхода отец посетовал, что остался обделенным во время праздничного обеда.

– Илья Иванович, вам бы немного икорки не повредило – сказала лечащий врач.

Она наверняка знала, что дни моего отца сочтены... Стремглав бросился я из госпиталя на поиски икры. В ресторане, что находился вблизи станции метро «Семеновская», купил полстакаeta кетовой икры и успел в последние часы жизни доставить дорожкою человеку кетовую икру.

Отец скончался 5 марта в 12 часов дня. Перед уходом из жизни он все время поднимал, как бы прощаясь, согнутую в локте правую руку. А через два дня, под троескатный ружейный салют, фронтовика похоронили на московском кладбище. С того времени в День Советской Армии у меня на столе всегда стоит рюмка водки, прикрытая бутербродом с красной икрой... Это для отца.

Виктор Шаляпин, Верхнеуральск.

В ЗНАК ДОБРОЙ ВОЛИ

Не всегда направленный на врага автомат поражал цель

ПЕРЕД НАЧАЛОМ ФИЛЬМА в нашем судовом клубе, оборудованном на плавбазе, к трибуне вышел капитан 3-го ранга.

И сообщил, что главную роль в картине играет Георгий Юматов, который в годы войны служил юнгой на бронекатере нашего дивизиона и зарекомендовал себя смелым, даже бесшабашным моряком.

Рассказал капитан, как под Будапештом команде бронекатера, на котором служил тогда еще неизвестный артист, было дано задание в условленном месте высадить на берег группу армейских разведчиков, а затем забрать их. Было это весной 1945 года. Все шло как предусматривалось, но только при посадке на катер разведчики «уронили» за борт добытого немца и его стало уносить течением. Георгий Юматов, не раздумывая, прыгнул в ледяную воду и вытаскил тонущего пленника на борт.

Теперь на время оставим разведчиков и на несколько военных месяцев вернемся назад. Расскажу о случае, который поведает мне участник Великой Отечественной войны Александр Федорович Гостев. Воспроизвожу его рассказ по частям.

Было это в Карпатах в последней военной осени. Наша стрелковая дивизия застряла в горах, ожидая пополнения в живой силе и технике. Бойцы слушали выступления политработников, чистили и перечищали оружие, отсыпались. Всевавшие помят, что солдатам всегда хотелось на войне есть и спать. С молчаливого согласия местных крестьян наши пользовались их огородами. Тоннее тем, что в них росло. Подкапывали картошку, она была хорошей добавкой к интендантскому пайку. Воду для варки брали из ближайшего горного ручья. В тот раз очередь водоноса выпала на меня. Мы знали, что немцы где-то рядом и остерегались попасть в плен. Поэтому всегда за водой ходили с оружием.

Слушавшись к ручью, я услышал, как с горного склона скатываются камешки, кто-то с противоположной стороны спускался к ручью. Причем без опаски. Я укрывся за кустами. К ручью пришел немец. Наблюдая, обнаружил, что оружия при нем нет. Мой же ПППШ – с полным диском. Быстро выйдя из укрытия, я направил на него автомат. Он попытался подняться с корточек, но не смог.

На его лице образовались подобие слезливой, искаженной улыбки. В этот момент для него был прокурор и судья, адвокат и исполнитель приговора. Стоило только нажать на курок. Я медлил. Немец не мог оправиться от шока. Так продолжалось одну-две минуты. Мы стояли друг перед другом, в голове вертелась мысль: врага не убивают, его уничтожают. На курок я не нажал. Повернулся к нему спиной и направился по тропе к своим окопам. Об этой встрече промолчал: такое милосердие не приветствовалось.

– Ты знаешь, – рассказывал А. Гостев, – сколько лет прошло, а все задаю себе вопрос: правильно ли тогда поступил? И не нахожу ответа. Теперь пришло время рассказа полкового разведчика Петра Васильевича Румянцева: «Наша группа возвращалась с заданием из неприятельского тыла. Под Будапештом, на правом берегу Дуная, нас поджидал катер. Надо сказать, возвращались мы из рейда изнуренные усталостью, но довольные. Обошлось без потерь и ранений, «язык» взяли без особых проблем. Немец оказался покладистым, казалось, что пленение его устраивало. Только при посадке

на катер он свалился с трапа и, барахтаясь, стал уплывать по течению. Выручил нас молодой матрос – вызволил перепуганного, захлебывающегося немца из воды».

Слушал я фронтовика и думал: а не юнга ли Юматов это был? Вполне возможно.

«Город уже был почти очищен от врагов и мы с трудом отыскали свою часть, – продолжал Петр Васильевич. – На допрос «языка» забирать не торопились. Мы ждали обеда. Не открыто секретов, если скажу, что в разбитых магазинах зачастую оставались бутылки с крепким и слабыми напитками. Мы брали только хорошо закрытые бутылки. А тут попалась литровка коньяка, как нам показалось, ненадежно запечатанная. Разведчики приносили коньяк, но пить опасались – бывало всякое. Кто-то предложил несколько граммов немцу. Наш пленник замахал протестующе руками, что-то лопоча на своем языке. Тогда старшина, полуслушя, показал на кобуру пистолета, и немец слася.

Принесли обед. Содержимое бутылки разлили по кружкам и начали трапезничать. Прошло несколько минут, как наш немец, сидящий на яшике, вдруг рхнул на пол. У

разведчиков вытянулись лица, они переглядывались, ожидая, что свалится следующий. Первым пришел в себя сапер. Он стал трясти немца, пощупал пульс и дал заключение: живой, просто слабым оказался по причине венгерского напитка».

Еще об одном участнике Великой Отечественной войны. Василий Николаевич Кравцов, командир взвода противотанковых ружей, победу встретил в Берлине. Так получилось, что женился он на немке, как говорили тогда – из наших советских. Ее родственники жили в Германии. В начале 80-х один из них навестил родственницу. Он тоже воевал, но, разумеется, по другую сторону нашего фронта. Кравцов сохранил планшет с картой, на которой было указано, где пролегал его фронтовой окоп. Немский гость легко разобрался с картой и указал, где довелось ему побывать: Карпаты и Будапешт. Рассказал, что тонул в Дунае и его вытаскили на небольшом судно. К тому времени я уже знал о встрече у ручья Александра Гостева. Спросил у немца, он как-то замаялся, ничего не ответил. А я, грешным делом, подумал, не тот ли он встречный?

ВИКТОР ШАЛЯПИН,
Верхнеуральск.

ЭРНЕСТ ИЩЕНКО,
ветеран труда.